НОВОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Информационно - дискуссионный бюллетень
№6 Март 2000 г.

ТИХО ВОКРУГ...

Рабочее движение в России сегодня переживает спад. Даже по сравнению с тем, что было год назад. Правда, по телевизору то и дело сообщается о забастовках и даже стычках рабочих со всевозможными полицейско-охранными структурами; вести об этом идут отовсюду: из Сибири, с Урала, из Москвы... Беда только в том, что все эти стачки и стычки в последнее время оказываются чисто корпоративными. Корпоративные - это когда рабочий и хозяин, эксплуатируемый и эксплуататор выступают «единым фронтом».

«Единый фронт» между тем, кого кого грабят, и тем, кто грабит - явление не новое. Еще Пушкин Александр Сергеевич целую повесть на эту тему написал - «Дубровский» называется. Про то, как один барин оттяпал у другого имение, а мужики взяли да встали за «своего» барина. Да так встали, что пошли куда дальше самого барина - тот-то хотел только свой дом спалить, а мужики вместе с домом спалили и судейских чиновников, так что пришлось бедному барину из гвардейского офицера переквалифицироваться в разбойничьего атамана.

Крестьян - героев Пушкина понять можно. «Свой» барин - он, конечно - тоже барин, но «чужой» был уж больно крут - вся округа его боялась. При нем житье у мужиков должно было стать куда хуже, чем раньше. Да только и от «своего»-то толку оказалось немного - как только случился у Владимира Дубровского облом в личной жизни, так сразу и махнул он за границу, оставив своих крестьян выкручиваться, кто как знает. Одного из мужиков он, правда, взял с собой за границу. Одного. Из всех. А остальных, если говорить прямо, попросту кинул.

Современных рабочих тоже можно понять. Иной раз, как ни плох один хозяин, а другой - еще хуже. При одном зарплату задерживают, при другом - вовсе не платят. А то и предприятие разваливают, банкротят и продают, а народ увольняют. Как тут не взбунтоваться. Да только «свои», «хорошие хозяева», «народные директора» и прочие «добрые баре», при первом удобном случае договариваются с «противником», оставляя рабочих выкручиваться самих. Ничто не изменилось со времен Александра Сергеевича.

На самом деле, конечно, с тех пор все менялось неоднократно. И было в истории рабочего движения много такого, чем можно гордиться. Было оно когда-то и в силе, но только сегодня опять ослабело настолько, что оказалось отброшено на уровень пушкинских времен.

Конечно, было бы глупо думать, что рабочим должно быть абсолютно до лампочки, плохой у них хозяин или очень плохой. И если новый директор свирепствует круче старого, то как тут не бороться? Но только не стоит, выступая против одного хозяина, особо надеяться на другого. Даже если они - враги. Враг врага - совсем не обязательно друг. Если волк - враг зайца, а лиса - враг волка, то стоит ли зайцу дружить с лисой? Тем более, что ее вражда с волком из-за того и начилсь, что спорили, кому зайца есть.

Союз между рабочими и хозяином не может быть прочным. Рано или поздно, хозяин рабочих кинет, и им прийдется либо смириться с поражением либо бороться самим. К тому же в условиях системы даже те уступки, которые все же выбиты рабочими у администрации, всегда оказываются лишь временными. По-настоящему можно улучшить жизнь, только сломав систему и взяв под контроль управление производством, причем не на одном заводе, а во всероссийском (а потом и в мировом) масштабе. И если это невозможно сегодня, то все равно какие-то шаги в эту сторону надо делать уже сейчас, вводя рабочий контроль, заставляя администрацию отчитываться перед рабочими, «открывая» коммерческую деятельность хозяев. Тут уж администрации с рабочими совсем не по пути.

Зато ей всегда по пути с собственными конкурентами. Давно прошли времена, когда можно было хотя бы теоретически отыскать какое-то подобие разницы между «мафиози», «бизнесменом» и «красным директором». Сегодня невооруженным глазом видно, что это все - одно и то же. И как бы различные криминальные структуры не дрались между собой за передел собственности, но друг с другом они все равно разберутся, а вот «быдлу», «лохам», «мужикам» никогда не простят, если те попытаются говорить с ними на равных. Мы для них - не люди, мы для них - то же, что кости для собак. И упрашивать их бесполезно. Они понимают только силу.

К сожалению, многие рабочие продолжают верить в «доброго барина». А кто уже не верит в барина, тот еще верит в «доброго царя». Поэтому спад рабочей активности всегда совпадает с подъемом предвыборной. Народ ждет, что прийдет «рабочий депутат» или хороший президент и все наладит. Ждали овцы хорошего волка...

Остается лишь надеяться, что выборы рано или поздно пройдут. И через несколько месяцев люди увидят, что их опять обманули. И кто-то поймет, что спасение утопающих - дело рук самих утопающих. А кто-то, хоть и будет верить в «доброго» царя, но по крайней мере не захочет ждать еще четыре года. И тогда рабочее движение снова начнет набирать силу.

А пока мы вынуждены сообщить, что в стране сейчас почти ничего не происходит. Чисто корпоротивные стачки - не в счет. О них мы не сообщаем, они не имеют к настоящему рабочему движению никакого отношения.

Коллектив МПСТ

БОРЬБА ЗА ВЦБК - ПЕЧАЛЬНЫЙ ФИНАЛ

Рабочее движение в поселке Советском (на Выборгском целлюлозно-бумажном комбинате) в настоящее время - на спаде. Рабочие все больше превращаются в статистов в чужой борьбе за передел собственности.

В начале зимы председатель профкома ВЦБК В.Киряков начал выступать за примирение с «Алсемом» (фирмой, купившей комбинат) и за это был смещен со своего поста. На его место была избрана А.Заикина. Есть основания предполагать, что союз между Киряковым и «Алсемом» непрочен и скоро распадется (говорят, что в поселке уже была перестрелка между мафиозными группировками Рубиновича (союзник Кирякова) и Сабадаша (хозяин «Алсема»)). Но пока это - из области слухов.

Тем временем «Алсем» начал выплачивать рабочим по 1000 руб. за заявление о переходе в ОАО «Выборгская целлюлоза» (то есть под юрисдикцию «Алсема») и по 500 - за заявление о недоверии «народному директору» Ванторину. После того как часть рабочих написала первое заявление, но отказалась писать второе, порядок выплаты изменился - теперь сперва надо было написать заявление о недоверии. Все это сопровождалось угрозами и моральным давлением на рабочих. В одну из ночей ворота ВЦБК были открыты изнутри, и на комбинат вошла охрана «Алсема» - на этот раз вполне мирно. «Алсем» при этом пообещал сохранить все рабочие места и не преследовать активистов, отказавшихся от борьбы.

Выполнит ли «Алсем» свои обещания или нет - покажет будущее. Сами рабочие большого доверия к нему не питают. Однако, большинство рабочих (в том числе и многие активисты) подписали заявление против Ванторина и вышли на работу. Меньшинство во главе с Заикиной пытается сопротивляться. Заикина - одна из наиболее активных представителей профкома ВЦБК и, судя по всему, хороший человек, но она (как, похоже, и большинство рабочих комбината) мыслит старыми иерархическими стереатипами. Основные свои надежды Заикина возлагает на Ванторина, который «работает на федеральном уровне» и на судебную тяжбу.

На комбинат сторонников Ванторина не пускают. Однако они каждое утро приходят к комбинату и устраивают что-то вроде краткого собрания, больше, впрочем, похожего на тусовку обманутых вкладчиков. Кроме того собираются и собрания профкома. Они, похоже, куда серьезнее уличных, но присутствуют на них только члены профкома.

Такой была ситуация на момент нашего посещения. Возможно, она еще изменится, возможно, уже изменилась. Но уже сейчас можно точно сказать, что.

Никакие бюрократические, буржуйские или мафиозные (что в принципе - одно и то же) склоки и разборки рабочим ничего не дадут. Чего-то добиться рабочие могут только тогда, когда они выступают как самостоятельная сила. Члены профкома ВЦБК этого не понимают и скорей всего не поймут. Большинство рабочих ВЦБК в данный момент пассивно. Но если даже оно вновь проявит активность (а это - вполне реально), оно скорей всего будет ориентироваться на профком и автоматически попадет в зависимость от Ванторина (не говоря уже о том, что разрыв между «вождями» (собственно профкомом) и «массой» (сторонниками профкома) будет все больше увеличиваться).

Картина получается малоутешительная.

Соб. инф.

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ АКТИВИСТОВ

9 февраля 200г. администрацией Воронежского акционерного самолетостроительного объединения был уволен председатель Координационного совета первичной профсоюзной организации ВАСО инженер-конструктор А.А.Рашевский. Это - уже не первый случай давления как на членов профсоюза вообще (за последний год многие были уволены), так и непосредственно на Рашевского (в 1998г. в результате заказного нападения он с переломом основания черепа и множеством других переломов попал в больницу).

Поскольку увольнение, как водится, было произведено с нарушениями КЗОТа, Рашевский подал в суд. 14 марта у предприятия профсоюз провел пикет в защиту Рашевского.

Профсоюзная организация ВАСО - профсоюз «Илья Муромец» входит в Конфедерацию свободного труда. Кроме него в КСТ входят профсоюзы, созданные работниками самых разных сфер. Есть в ней, например, профсоюзы студентов, художников, работников малого и среднего бизнеса - не предпринимателей, а именно наемных работников. КСТ не связано ни с какими партиями и не участвует в политической борьбе (что, с нашей точки зрения, совершенно правильно). В КСТ могут состоять члены любых партий, однако свои партийные дела они должны оставлять «за дверью». Вместе с тем, на наш взгляд, КСТ страдает умеренностью требований, ведя экономическую борьбу в рамках системы. Следует отметить, что КСТ действует по принципу: «Защити себя сам, а мы тебе поможем!», то есть ориентировано на активное участие в борьбе всех своих членов, хотя это и не способствует быстрому росту численности (мы также согласны с тем, что это лучше, чем создавать большую, но пассивную организацию). Вместе с тем, по словам того же Рашевского, низовая активность в КСТ, хоть и имеет место, она пока ниже, чем хотелось бы (это к сожалению общая болезнь нынешнего рабочего движения).

Соб. инф.

ВЕСТИ ИЗ
РОСТОВА-НА-ДОНУ

Положение на заводе "Ростсельмаш" на данный момент довольно сложное. С одной стороны новая администрация делает все, чтобы избавиться от последних активистов и запугать оставшихся рабочих угрозой увольнения. С другой - она нуждается в рабочих, причем, похоже, что даже в большем количестве рабочих, чем на заводе работает в данный момент. Администрация могла бы решить эту проблему, набрав себе новых рабочих из числа молодежи, но не хочет утруждать себя обучением новичков. Получается парадоксальная ситуация: с одной стороны рабочих достают постоянными "проверками", а с другой - те из них кому нет замены, могут ничего не бояться - их нельзя уволить, потому что некого взять на их место.

Пока, однако, общее ощущение таково, что сила - на стороне администрации. Рабочие пассивны и ждут обещанной работы. Процветают нарушения трудового законодательства (например рабочих, занятых на вредном производстве, оформляют на другую работу, чтобы не платить им за вредность).

По сообщениям Рабочего комитета "Ростсельмаша".

НЕТ МИРУ МЕЖДУ КЛАССАМИ!

сопротивление - это жизнь

Международная солидарность.
На последней пленарной конференции Международной ассоциации трудящихся (М.А.Т.) в ноябре 1999г. в Тулузе (Франция) делегаты от российской и португальской секции выступили с предложениями, которые были направлены на усиление международного сотрудничества трудящихся, включая изучение возможности проведения одновременных забастовок и других выступлений на транснациональных компаниях, расположенных в различных странах. Капитал глобализируется и переходит в наступление по всему миру. Трудящиеся могут дать ему отпор, только противопоставив мировому капиталу свой собственный интернационализм.

Прекрасный пример того, как это делается, показали недавно американские и итальянские рабочие. 24 августа 1999 г. 143 рабочих предприятия сталелитейной фирмы MEI / GST в Дулуте (Миннесота, США) начали забастовку, практически не получив поддержки от профбоссов. Администрация отказывалась от каких-либо переговоров. Альянс рабочей солидарности (американская секция М.А.Т.), организовавший в штате Миннесота широкую «сеть за права рабочих», оказал участникам забастовки всемерную помощь. При содействии товарищей из итальянской секции М.А.Т. была проведена встреча между представителем «сети рабочей солидарности» и профсоюзом, действующим на отделении GST в Новаре (Италия). Итальянские рабочие приняли решение с 14 февраля 2000 г. начать серию забастовок солидарности с коллегами Миннесоты и продолжать ее до тех пор, пока идет стачка в Дулуте. Сразу после этого администрация предприятия в США вынуждена была впервые за 6 месяцев борьбы согласиться на переговоры с бастующим трудовым коллективом...

Хороший урок для российских рабочих! Когда у нас проходила последняя стачка солидарности?

Аргентина.
В провинции Коррьентес очередной «День протеста» против неолиберальной политики правительства перерос в очередное народное восстание. Началось все с того, что полиция напала на демонстрацию учителей и работников общественных служб, требовавших выплаты им задолженности по зарплате. Ответом на потоки слезоточивого газа стал град камней. Тогда бравые «стражи порядка», недолго думая, открыли огонь, убив двух человек. Это вызвало взрыв негодования среди трудящихся. Они захватили мост и другие центры коммуникаций, потребовав выплаты зарплаты и наказания виновных в убийстве их товарищей. Новое «левое» правительство, уже заявившее о намерении продолжать неолиберальный курс своих перонистских предшественников, отвергло требования демонстрантов как «совершенно неприемлемые». Так трудящиеся Аргентины имели возможность убедиться, что «левые» ничем не лучше «правых»: и те и другие верно служат Его Величеству Капиталу. А значит, бороться надо и против тех, и против других.

Испания.
С мая прошлого года продолжаются выступления рабочих испанских верфей. Начались они в традиционном эпицентре борьбы кораблестроителей - Пуэрто-Реале (регион Андалусия). Здесь активное участие в рабочем движении принимает анархо-синдикалистская федерация трудящихся CNT, которая стремится придать выступлениям радикальный характер и развить в них элемент самоорганизации в виде суверенных общих собраний (ассамблей), императивного мандата (наказа от собраний, обязательного для всех выборных представителей коллектива). Именно в Пуэрто-Реале в 80-е гг. работники верфей проявили наибольшую активность и добились наилучших результатов.

Осенью 1999 г. выступления рабочих, частичные забастовки и демонстрации охватили также верфи в Валенсии, Виго, Кадисе, Сан-Пандире и других городах. Недовольство трудящихся вызвано ростом увольнений и досрочных отправлений на пенсию, ухудшением условий труда, замораживанием зарплаты. К сожалению, большинство коллективов оставалось под контролем официальных соглашательских профсоюзов. Однако в некоторых местах кораблестроители и ремонтники прибегали и к самоуправлению в борьбе - прямому действию. Хотя протесты распространились на всю страну, наибольшую остроту они приобрели на верфях Андалусии - в Кадисе и Севилье. Газета CNT в декабре 1999 г. опубликовала фотографию одной из наиболее значительных акций саботажа в ходе этой борьбы. 29 ноября трудящиеся Пуэрто-Реаля вывели из строя и подожгли кабину управления разводного моста Карранса. Электронный механизм управления использовался для того, чтобы пропускать под мостом списанные суда, к примеру то, которое использовалось для военных тренировок.

В январе 2000 г. более сотни рабочих частной верфи в Хихоне (регион Астурия), сопротивляясь против планов частных владельцев закрыть предприятие, захватили его. Власти прекратили подачу энергии на верфь и бросили против нее спецчасти полиции. Нападение было отбито рабочими, использовавшими рогатки, мечущие камни, и самодельные гранатометы!

Греция.
Жители греческого порта Стримоникос продолжают упорную борьбу против сооружения экологически вредной фабрики по обработке золота, принадлежащей транснациональной фирме TVXGOLD. Они проводят демонстрации и нападают на сооружения, принадлежащие компании. Вспыхивают столкновения с полицейскими силами, которые направлены в район для «наведения порядка» (естественно, буржуйского). «Социалистические» греческие власти ввели там чрезвычайное положение, произвели множество арестов, запретили все собрания и свободное передвижение людей. Афинские анархисты проводят кампанию солидарности с движением в Стримоникосе. Они совершили ряд нападений на помещения и собственность государственных органов, занятых разработкой стратегии подавления движения.

Польша.
Члены варшавской группы

синдикалистской ассоциации «Индустриальные рабочие мира» посетили фабрику по производству желатина, которая уже около полугода захвачена трудовым коллективом. Хозяин, приватизировавший предприятие, нарушил коллективный договор с работниками, и те отстранили его. Они посадили капиталиста на тачку и под улюлюканье вывезли за ворота фабрика. Интересующимся поясняли: «Это - польский способ увольнения боссов!» Обиженный буржуй подал в суд, работники ответили встречным иском. А пока что завод работает на основе самоуправления.

Китай.

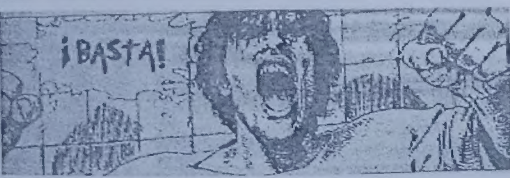
В управляемом «компартией» Китае продолжается «рыночное» наступление на права трудящихся. В сентябре 1999 г. власти приняли очередное решение о допуске частного капитала в большинство промышленных предприятий страны и о массовом закрытии «убыточных» фабрик и заводов. Все это, безусловно, лишь ускорит процесс увольнения так называемой «избыточной» рабочей силы. Даже по официальным и неполным данным, только за первую половину прошлого года в стране было уволено минимум 7,5 миллионов работников, большинство из них не имеют никаких средств к существованию. В то время как доходы населения падают, цены растут. С начала 2000 г. квартплата в муниципальном секторе в Пекине увеличивается в 1,5 - 6 раз. Некоторые из жителей Пекина говорят: «В XXI век мы вступаем с пустым желудком». В сельской местности количество людей, живущих ниже уровня бедности по международным стандартам, составляет 120 миллионов. Из-за безработицы в городах все большему числу крестьян, ушедших из деревень на заработки, приходится возвращаться домой.

Официальные профсоюзы (а других в стране нет) полностью поддерживают политику правительства. В этих условиях в Китае все чаще вспыхивают стихийные стачки и бунты рабочих. К этой самоорганизованной борьбе трудящихся, к счастью, пока не примазывается никакая самозваная «авангардная» партия. Некоторые издания утверждают, что социальные противоречия в стране напоминают бомбу замедленного действия, кото-рая вот-вот взорвется.

Вот лишь некоторые отрывочные сообщения о выступлениях рабочих и крестьян Китая. В канун национального праздника КНР 1 октября 200 уволенных и обреченных на сокращение рабочих машиностроительного завода в Чанчуне в знак протеста вышли на улицы. В течение года 300 рабочих, уволенных с этого завода, получили только сумму, достаточную для жизни всего лишь на протяжении месяца. 200 рабочих, уволенных с фабрики моторов «Синьчэн» в Сиани также вышли на улицы на четвертый день, протестуя против четырехмесячной задержки с выплатой пособия. 2 тысячи рабочих из промгородка Дзючуань в городе Пиньгу провинции Шэньжэнь забастовали 11 октября, протестуя против четырехмесячной задержки с выплатой зарплаты. Администрация обещала решить проблему, но затем взяла свои обещания назад, так что рабочие, вернувшиеся на работу, позднее возобновили стачку. Через некоторое время они провели демонстрацию перед резиденцией городского правительства, и администрация вынуждена была выплатить половину июньской зарплаты, а в последующие 10 дней - зарплату за следующие 2 месяца. Фабрика фарфора в пригороде Хэчунь города Ляньцзян в провинции Гуандун должна была пойти с торгов. Многие сотни рабочих потребовали вернуть средства, которые они вложили в фабрику. Им обещали их вернуть в 1998 г. в качестве компенсации за 6-месячную задержку выплаты зарплаты. Они собрались на предприятии, скандировали лозунги. Для восстановления «порядка» была вызвана полиция, прибыли официальные лица. Рабочие заявили, что если вопрос не будет разрешен, они прибегнут к более радикальным действиям. 200 рабочих фабрики по производству лампочек в Наньхае провинции Гуандун забастовали в знак протеста против отстранения от работы некоторых рабочих, невыплаты им зарплаты, а также избиения нескольких человек охраной предприятия. Государственная текстильная фабрика в Вэйнани в провинции Шаньси была объявлена банкротом в 1998 г. и продана аукционерам за 40 миллионов юаней. Однако рабочим не было выплачено никакой компенсации, и за последние 10 месяцев работники получали всего лишь по 100 юаней в месяц, что совершенно недостаточно для выживания. Со 2 ноября около 1 тысячи рабочих начали блокаду трех главных дорог города; полиция вступила с ними в схватку, арестовала около 10 рабочих и серьезно ранила 3 работниц. 200 рабочих с резиновой фабрики в Чаньша - столице провинции Хунань - не получали зарплаты в течении трех месяцев. Утром 26 ноября они блокировали автостраду в Яолине. Разогнанные полицией, они вновь собрались после полудня и блокировали крупные дороги в Чаньша, парализовав движение транспорта. После того, как многие государственные предприятия стали убыточными, в Чаньша каждую неделю происходят демонстрации с блокадой дорог

Как и российские власти, «коммунистические» правители Китая не прочь пограбить сбережения граждан. После того как правительство Пекина приняло решение об «оздоровлении» финансового сектора, только в сентябре произошло свыше 50 нападений людей на правительственные офисы. 20 октября около 500 человек блокировали железную дорогу. В провинции Хунань провинциальное правительство распорядилось заморозить 40 млрд. юаней, накопленных около 2 млн. крестьян в сельских кооперативных фондах, и объявило, что крестьяне смогут получить сейчас только 30% сбережений, а остальную сумму - через 3 года. С сентября в провинции произошло по меньшей мере 50 крупных бунтов.

По информации МАТ



В мае 2000 г. исполняется 10 лет со дня убийства рабочего активиста Петра Петровича Сиуды. В июне 1962 г. он, в ту пору - рабочий Новочеркасского электромеханического завода, принял активное участие в одном из крупнейших рабочих выступлений за всю историю государственно-капиталистического режима в «Советском Союзе» - Новочеркасской стачке, подавленной в крови лже-коммунистическим режимом КПСС и КГБ. Отсидев за это 4 года, Петр Сиуда был освобожден и посвятил свою жизнь борьбе за свободу и реабилитацию участников забастовки 1962г. Он неоднократно подвергался преследованиям, но продолжал собирать информацию о происшедшей трагедии. С конца 80-х гг. он также участвовал в возрождении независимого революционного рабочего движения, в 1989г. вступил в «Конфедерацию анархо-синдикалистов» - первую с 20-х годов либертарную организацию в масштабе всей страны. Он был зверски убит «неизвестными лицами» после того, как обнаружил новые материалы о виновниках расстрела забастовки в 1962г.; находившиеся при нем документы исчезли. В память мужественного борца за рабочее дело мы перепечатываем отрывки из его воспоминаний о той самой, легендарной забастовке трудящихся Новочеркасска.

НОВОЧЕРКАССКАЯ СТАЧКА

(...) В те годы практически ежегодно в промышленности (...) производились снижения расценок оплаты труда. Это давало возможность чиновникам обеспечивать требуемые центральными органами высокие показатели роста производительности труда, снижения себестоимости продукции без соответствующих капиталовложений, повышения механизации и автоматизации производства (...) С 1 января 1962 г. на крупнейшем Новочеркасском электровозостроительном заводе в очередной раз начала проводиться кампания снижения расценок оплаты труда во всех цехах завода. Расценки снижались до 30-35%. Последним цехом завода, где были снижены расценки в мае месяце, был сталелитейный. К этому времени рабочие других цехов уже как-то попривыкли в очередной раз к очередному ущемлению их интересов. Для рабочих же стальцеха снижение расценок еще оставалось чувствительно болезненным. Утром 1 июня 1962 г. по центральному радиовещанию было объявлено л резком, до 35% (...) повышении цен на мясо, молоко, яйца и другие продукты. Это был неожиданный и сильнейший удар по социальному положению всех трудящихся СССР (...) В городе и на заводе практически никак не решалась жилищная проблема. Строительство жилья велось в слишком малых объемах. Плата за квартиру в частном секторе составляла (...) от 35 до 50 руб. в месяц, т.е. от 20 до 30% месячной зарплаты рабочего. (...) В магазинах практически не было мясных продуктов, масла, а на рынке цены на них были чрезмерно высокими. Очередное повышение государственных цен неизбежно влекло за собой подорожание продуктов питания на рынках.

Но и эти обстоятельства навряд ли повлекли бы за собой забастовку, если бы самонадеянный мерзавец-чиновник не бросил в «бочку пороха» народного гнева, недовольства искру оскорбления, барского хамства. (...) В то утро по дороге на работу и в цехах все обсуждали неприятную новость, возмущались. В стальцехе рабочие собирались кучками, обсуждали не только сообщение о повышении цен (...), но и недавно проведенные снижения расценок оплаты труда. Цех лихорадило, но никто не помышлял о протестах, о выступлениях, о забастовке. Вероятно, о недовольстве рабочих (...) стало известно в парткоме завода и директору Курочкину, который пришел в стальцех с секретарем парткома (...) В момент разговора к группе рабочих, окружающих директора и секретаря парткома, подошла женщина с пирожками в руках. Увидев пирожки, директор решил поостроумничать и, обращаясь к рабочим, произнес: «Не хватает денег на мясо и колбасу, ешьте пирожки с ливером».(...) (*«...К самостоятельности мышления ни чиновники, ни рабочие не были готовы. Но рабочие, в отличие от чиновников, воспитывались на идеологии революции и воспринимали ее. У них была веры в эти идеалы. И когда они столкнулись с действительностью, то здесь и заработал пролетарский инстинкт..», - из интервью П. Сиуды в 1988 г.)*

Рабочие возмутились хамством директора и с возгласами: «Да они еще, сволочи, издеваются над нами!» разделились на 2 группы. Одна из групп пошла к компрессорной завода и включила заводской гудок. Другая группа отправилась по цехам завода с призывами прекращать работу и объявить забастовку. Необходимо подчеркнуть, что ни на начальном этапе возникновения забастовки, ни на протяжении всех дальнейших событий 1-3 июня не создавалось и не было никаких групп или органов, которые взяли бы на себя обязанности возглавить организацию и проведение выступлений рабочих. Все события происходили именно стихийно, спонтанно. Инициатива кипела и проявлялась снизу, в массе трудящихся. К событиям не был причастен кто-либо со стороны. К ним абсолютно не были причастны и какие-либо «радиоголоса». (*«Комитет так и не организовывался, но рабочие сами знали из литературы и кино, как делали во время революции...», - из интервью П. Сиуды в 1988 г.)*

Рабочих завода не было нужды агитировать за забастовку. Достаточно было появления групп рабочих, призывающих к забастовке, как работа моментально останавливалась. Масса забастовщиков росла, как снежная лавина. В ту пору на заводе работало примерно около 14 тысяч человек. Рабочие вышли на территорию завода, заполнили площадь возле заводоуправления. Площадь не вмещала всех бастующих.

Группа рабочих сняла звено штакетника, огораживавшего скверик, и перегородила им прилегающий к заводу железнодорожный путь СКЖД, повесив на штакетник красные тряпки. Этим были остановлены пассажирский поезд «Саратов-Ростов» и движение поездов на этом участке. Остановкой железнодорожного движения рабочие стремились сообщить о своей забастовке по линии железной дороги. По инициативе слесаря завода

В.И.Черных его товарищ, цеховой художник В.Д.Коротеев написал плакаты: «Дайте мясо, масло!», «Нам нужны квартиры!», которые они вынесли из завода и укрепили на одной из опор (...) железной дороги. На тепловозе пассажирского поезда кто-то написал: «Хрущева - на мясо!». Последний лозунг появился и в других местах. Дополнительно к заводскому гудку тревожные сигналы стали подавать и с тепловоза. К заводу стали стекаться рабочие второй и третьей смен, жители рабочих поселков. Первые попытки пресечения забастовки были предприняты силами дружинников из ИТР, которые попытались пропустить пассажирский поезд и этим открыть движение (...). Но они оказались бессильны и были вынуждены ретироваться, сняв повязки дружинников. *(«Пытались также сконтактироваться с другими городами, но все дороги из Новочеркасска были перекрыты кордонами военных и милиции. Уже днем город был блокирован. Например, уехала делегация в Шахты, но ее остановили и завернули назад», - из интервью П.Сиуды 1988 г.)*

С забастовщиками в переговоры ни партийные органы, ни администрация завода не вступали. По своей инициативе перед рабочими пытался выступить главный инженер завода С.Н.Елкин, который конкретно не говорил о восстановлении расценок, никаких обещаний и заверений не давал, а лишь уговаривал рабочих прекратить волнения и приступить к работе. Возмущенные рабочие затянули его в кузов грузовой машины и пытались требовать от него конкретного решения вопросов (...)

Примерно в полдень в массе забастовщиков пронеслось: «Милиция приехала!». Вся людская масса ринулась на полотно железной дороги в направлении к милиции.(...) Надо было видеть внушительность картины. Метров на 350-400 на полотно железной дороги выкатилась грозная волна плотной людской массы. А в метрах 200-250 по другую сторону железной дороги в это время выстраивались в 2 шеренги более сотни милиционеров (...) *(«Что случилось потом, было как будто бы из кинофильма - массы народа, охваченные революционным порывом, как лавина несутся», - из интервью П.Сиуды 1988 г.)*

Увидев накатывающуюся грозную волну людской массы, милицейские шеренги моментально рассыпались. Милиция кинулась вдогонку за разворачивающимися машинами, на ходу беспорядочно лезла в кузова. Не успели удрать лишь 2 милиционера, у которых то ли от страха, то ли от бега подкашивались ноги. (...) Но и в своем гневе рабочие (...) даже не тронули их, выпроводили с напутствием, чтобы милиция не совала нос к забастовщикам.

Как позже стало известно, милицию переодели в цивильное платье и направили в массу забастовщиков. Туда же были направлены и КГБшники, которые были снабжены микрофотоаппаратами (...). Съемки осуществлялись и с пожарной наблюдательной вышки. Позже, на следствии приходилось видеть буквально ворохи фотоснимков, на которых были зафиксированы тысячи участников забастовки.

Предпринимались и попытки спровоцировать забастовщиков. 1 июня погода выдалась безоблачная, жаркая. (...) Помнится одолевавшая мучительная жажда. Но никто не покидал площадь. Всех сплачивало единство, вера в свои силы, в справедливость своих требований. И в этот момент к забитой народом площади прибыла машина, доверху нагруженная ящиками с ситро. Соблазн для всех был громаден. Раздались призывы разобрать ситро и утолить жажду. Но (...) ни одной бутылки не было взято с машины. (...) Провокация не удалась, провалилась.

К концу рабочего дня на площадь около заводоуправления прибыли первые отряды воинских подразделений Новочеркасского гарнизона. Они были без оружия. Приблизившись к массе людей, солдатские колонны моментально поглощались массой. Забастовщики и солдаты братались, обнимались, целовались. (...) Офицерам с трудом удавалось извлекать солдат из массы людей, собирать их и уводить от забастовщиков. Через некоторое время с балкона (...) заводоуправления пытался выступить первый секретарь Ростовского обкома КПСС Басов, окруженный чиновниками. Трусливость партийных чиновников была для всех не только очевидная, но и оскорбительная. С забастовщиками явно никто не желал разговаривать на равных. Басова и его холуев пытались забросать камнями. Но они были в буквальном смысле слова высоко над массой людей, поэтому ни одного попадания в них не было. Басов с чиновниками ретировались.

К площади (...) стали прибывать бронетранспортеры с офицерами. Власти убедились, что солдаты (...) ненадежны, поэтому надежды возложили на офицеров. (...) Но офицерье в буквальном смысле слова почувствовали силу, мощь рабочих рук. Их бронетранспортеры раскачивались рабочими с поразительной легкостью из стороны в сторону. (...) Полковники и майоры болтались на сиденьях (...), не в состоянии удержать на своих физиономиях выдержку. Растерянность и страх на их лицах свидетельствовали, что им не под силу пресечь гнев рабочих.

Возбуждение забастовщиков не только не утихало, но и возрастало под воздействием попыток подавить их выступления. Возник стихийный митинг. Трибуной служил козырек пешеходного тоннеля. На митинге раздались призывы послать делегатов рабочих в другие города, на другие предприятия. К захвату в городе почты, телеграфа с целью отправки во все города обращений с призывами о поддержке забастовки электровозостроителей. Тогда же прозвучали первые сообщения, что дороги к городу перекрыты, блокированы милицией и войсками.

Я не намерен был выступать на митинге. Но меня беспокоили призывы о захвате власти в городе. (...) Попытка захвата власти в городе была чревата слишком тяжелыми последствиями. Поэтому я выступил с призывом продолжать забастовку, соблюдать выдержку, твердость, организованность. Я призывал на следующий день всем идти в город демонстрацией, выработать общие требования и предъявить их властям. Призывы к захвату в городе власти (...) были полностью отвергнуты. Решено было на следующий день идти в город демонстрацией. (...)

(«Во время митинга несколько молодых ребят полезли на фасад заводоуправления..., чтобы снять лозунг Хрущева... Но невозможно было весь лозунг снять, потому что он был металлический. Так ножом вырезали «Н.С.Хрущев» из плаката. Потом решили: «Ну давай соберем все его портреты, на кой черт он нам нужен?» И пошли к заводоуправлению. Но двери были закрыты, и внутри стояли дружинники. Стали давить... Распахнули дверь, одному

по спине дали пару тумаков, и пошли по кабинетам. Там половина заводоуправления еще была. Снимали только портреты Хрущева, других не трогали... Собирают портреты, в окна бросают на площадь и там их складывают в кучи и устроили костер», - из интервью П.Сиуды 1988 г.)

В пятом часу утра я был разбужен 2 сильными «взрывами». (...0 на улицу стали выходить со всех дворов жители. Выяснилось, что «ослепленный» танк сбил 2 опоры электрической передачи высокого напряжения, провода сконтачили (...). Я отправился к заводу. Метров за 400-500 от железнодорожной линии и заводоуправления начали собираться маленькими кучками по 5-15 человек жители поселка. (...) Все мы наблюдали, что железная дорога вдоль завода, завод оцеплены вооруженными автоматами солдатами. Возле завода и около станции Локомотивстрой стояли танки.

Люди сообщили, что в 12-ом часу в поселок, на завод, в город введены воинские подразделения армии, танки. (...) Ночью жители пытались из подручных материалов устраивать перед танками баррикады, которые те преодолевали без препятствий. Тогда рабочие стали запрыгивать на танки на ходу и своей одеждой закрывать смотровые щели, «ослеплять» их. (...)

К нашей группе направился офицер с солдатом, вооруженным автоматом. (...) Он требовал, чтобы мы шли к заводу. Мы отказывались, говоря, что пусть работает армия, которая захватила завод. В перепалке не заметили, как сзади нас оказались 2 солдата, вооруженных автоматами. Таким образом мы оказались арестованными. Нас доставили в заводоуправление. (...) На легковой машине (...) меня быстро доставили в ГОВД. (...) В ГОВД доставлялись все новые и новые арестованные. (...) Был проведен беглый допрос. (...) Меня отправили в камеру, а минут через 15-20 нас, человек 5, посадили в «черный ворон» и отправили в Батайск за 52 км. от Новочеркасска. (...)

Утром на завод пришли рабочие не только первой смены, но и других смен. Завод был переполнен солдатами. Возле всех ворот стояли танки. В цехах были солдаты, посторонние гражданские, явно КГБшники. Несмотря на требования не собираться группами, рабочие собирались в кучки. Их возмущение, гнев нарастали. Группы рабочих стали покидать рабочие места, выходить из цехов. Все были охвачены стихией, гневом. Малые группы рабочих стали сливаться в большие. Этот процесс уже никто не мог остановить. (...) Внутризаводская площадь уже не вмещала всех рабочих. Усиливался напор на ворота. Рабочие силой распахнули ворота завода и вышли на предзаводскую площадь. Вспомнили предшествовавшие в предыдущий вечер митинг и призывы к демонстрации.

Многотысячная толпа народа направилась в город. (...) Некоторые группы рабочих направились на другие заводы с призывами поддержать электровозостроителей. На призыв с готовностью откликнулись строители, рабочие заводов электродного. «Нефтемаш», других мелких предприятий. Отовсюду шли колонны в город. В колоннах появились красные знамена, портреты Ленина. Демонстранты пели революционные песни. (...) Колонна демонстрантов все более возрастала.

Подходя к мосту через железную дорогу и реку Тузлов, демонстранты увидели на мосту кордон из двух танков и вооруженных солдат. Колонна приостановилась, замерла, умолкли революционные песни. Затем плотная грозная масса демонстрантов медленно двинулась вперед. Раздались возгласы: «Дорогу рабочему классу!» Возгласы переросли в мощное скандирование, четко, потрясающе повторялось: «Дорогу рабочему классу!» Солдаты и танкисты (...) стали помогать перелезать через танки. Поток людской массы обтекал с боков и перетек через танки кордон на мосту. Еще больше возросло возбуждение, еще мощнее, громче, дружнее зазвучали революционные песни.

Демонстрация вступила на центральную городскую улицу Московская. (...) Вся большая городская площадь перед горкомом партии (...), большая часть улицы Московской, часть просп. Подтелкова были полны народа. На площади возле памятника Ленина стоял танк. Его облепили демонстранты, детвора. Танк полностью ослепили. Видно, это вывело из терпения танкистов. Танк грохнул холостым выстрелом. (...)

Перед горкомом партии бурлила масса демонстрантов. В горкоме полно было солдат. Через двери демонстранты переругивались с солдатами. Один кавказец (в город были согнаны солдаты из других регионов «Союза», - прим. ред.) не выдержал, прикладом автомата выбил стекло в двери и (...) ударил прикладом женщину. Перед напором возмущенных демонстрантов двери горкома распахнулись. Ворвавшаяся масса людей разметала своим движением солдат. Ударивший женщину солдат оказался под лестничным маршем. (...) Его там избили. (...)

Демонстранты ворвались в один из кабинетов. Там на столе был коньяк, богатая закуска и приборы на две персоны. Убежать из кабинета никто не мог успеть, но в кабинете никого не было. Стали искать. В диване оказался прокурор из облпрокуратуры, а в книжном шкафу спрятался А.Н.Шелепин (секретарь ЦК КПСС и бывший шеф КГБ, - прим. ред.). Их стали тащить на балкон, требовать, чтобы они выступили перед демонстрантами. Они упирались, отказывались. Тогда демонстранты взяли коньяк, закуску и вынесли на балкон на обозрение демонстрантам. Начался митинг.

На митинге выступила Е.П.Левченко. Она сообщила, что ночью и утром производились аресты забастовщиков, что арестованных избивали. (...) Все настойчивее звучали требования освобождения арестованных. Часть митинговавших направились к горотделу милиции. Там тоже было полно солдат (...). Демонстранты стали пробиваться в горотдел. Двери распахнулись. В здание хлынули демонстранты. В это время один из солдат замахнулся автоматом на рабочего (...). Рабочий схватился за автоматный рожок. Автомат в руках рабочего был не более чем дубиной. Но и ею он не воспользовался. Солдатам была дана команда открыть огонь. Рабочий был убит наповал. Навряд ли хотя бы одна пуля пропала даром. Слишком плотной была масса народа. А в здании горотдела началась паника. Ворвавшиеся демонстранты искали укрытий от пуль. Влетали в пустые камеры. Находящиеся в массе переодетые милиционеры, КГБшники пользовались случаем и захлопывали двери камер (...). Один из позже осужденных участников этих событий (...) рассказывал, что их заставляли складировать трупы (...) в подвале (...) госбанка. Трупы складывали штабелями, а они еще агонизировали (...).

Не один свидетель рассказывал,, что офицер, получивший команду открыть огонь, отказался передавать эту команду своим солдатам и перед строем застрелился. Но кинжальный огонь все-таки был открыт. Вначале - вверх, по деревьям, по детворе. Посыпались убитые, раненые, перепуганные. Партия, государство, армия так искореняли крамолу. (...) Затем огонь был перенесен на массу. Это - не огонь одиночными выстрелами из трехлинеек, это - огонь из автоматов. Рассказывали: бежит пожилой мужчина мимо бетонной цветочной вазы (...). Пуля попала в голову, его мозги моментально разляпались на вазе. Мать в магазине носит убитого грудного ребенка. (...) Лежит девчушка в луже крови. Ошалелый майор встал в эту лужу. Ему говорят: «Смотри, сволочь, где ты стоишь!» Майор здесь же пускает себе пулю в голову. (...) Подгоняли грузовые (...) машины, автобусы. Туда, туда спешили вбрасывать, впихивать трупы жертв. Ни одного (...) не отдали на захоронение близким. Больницы были забиты ранеными. Никто не знает, куда они делись. Кровь смывали пожарными машинами. Но еще долго на мостовой оставались бурые следы.

(...) Рассказывали: открыт огонь,, масса в ужасе, бежит. Огонь прекращается. Масса останавливается, медленно наползая, возвращается. Опять огонь. Все повторяется. (...) Нет, волнения этим не были подавлены. Площадь продолжала бурлить. По городу поползли мрачные слухи. Одни покидали площадь, другие приходили. Ругались матерно с солдатами (...) Пришло сообщение, что в городе члены Политбюро и правительства. Среди них А.И.Микоян, Ф.Р.Козлов. Без выборов, стихийно, добровольно образовалась делегация от демонстрантов. Представителям ЦК и правительства страшны были массы трудящихся. Они спрятались на территории танковой части (...). Делегация направилась туда. Один из делегатов прочел представителям ЦК и правительства стихотворение Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», переделанное применительно к хрущевскому периоду (...). В основном за это он, Б.Н.Мокорусов, был приговорен Верховным судом РСФСР к расстрелу.

Рассказывали, будто бы узнав о трагедии, Козлов плакал. Возможно, но то были крокодиловы слезы. Микоян потребовал, чтобы с площади выпустили танки, обещая после этого выступить. Передали это требование демонстрантам. На митинге демонстранты ответили четко: «Нет! Пусть смотрят на дело рук своих!». Посмотрели на дело рук своих с высоты, через иллюминатор вертолета, который облетел площадь, прилегающие улицы. Микоян выступил по городскому радио. (...) Объявили комендантский час. Стали поговаривать о возможной высылке всех жителей города. Начались аресты. Ночью были случаи, когда в солдат бросали из-за угла камни. (...)

3-го июня в воскресенье волнения стали утихать. Микоян с Козловым после ходили по цехам электровозостоительного завода. Снабжение города продуктами питания улучшилось. Увеличилось строительство жилья. Расценки не были восстановлены. (...) Но на этом трагедия не завершилась. Наступил период судебных расправ. Наиболее демонстративно жестоким был судебный процесс над 14 участниками забастовки и демонстрации в военном гарнизоне (...). 7 человек (...) Верховным судом РСФСР (...) были приговорены к расстрелу. (...) Уже в тюремных камерах (...) мы пытались подсчитать число осужденных. Перечисляли пофамильно. Получилось не менее 105 человек. На сроки суды не скупились. Наиболее частыми были от 10 до 15 лет лишения свободы.(...)

ПЕТР СИУДА

Из интервью с П.Сиудой, 1988 г.

Вопрос: Какое было настроение у рабочих (во время забастовки, - прим. ред.)?

Ответ: Может быть, это кощунственно звучит, но это было счастливое время, время духовного раскрепощения. И настроение было боевое. Была независимость, свобода. Да, она была кратковременная, но все-таки она была. Понимаете, все время было рабское ощущение: что начальник скажет, подумает? Здесь этого уже не было... Мы дышали воздухом свободы. Лично я, дохнув тогда воли, уже не мог встать на колени и продолжал так всю жизнь. Но нигде никогда больше я не чувствовал такой полной свободы... У многих тогда произошел душевный переворот. Многие, как говорится, после этого прозрели. В этом как раз и заключается суть событий: ...они сорвали маску с действительности. Что власть - народная, предприятия - народные. События показали, что общество у нас антагонистическое, что государство над народом, не для народа, что существует класс эксплуататоров - партийно-государственное чиновничество... и класс эксплуатируемых...

БЮЛЛЕТЕНЬ ИЗДАЕТСЯ МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ СОЮЗОМ ТРУДЯЩИХСЯ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА (МПСТ)
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РАБОЧЕГО КОМИТЕТА ОБЪЕДИНЕНИЯ «РОСТСЕЛЬМАШ» (РОСТОВ-НА-ДОНУ)
Адрес МПСТ: 117485 Москва, а/я 34
Электронный адрес: mpst@mail.ru
Страничка в Интернете: http://mpst.tsx.org
Адрес Рабочего комитета «Ростсельмаш»: 344091, Ростов-на-Дону, а/я 1173